

Путешествіе блаж. Іеронима съ Павлою и ея спутницами по св. мѣстамъ востока въ 385—388 годахъ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Дальнѣйшее путешествіе Іеронима и Павлы по Палестинѣ. Виванія и гробница Лазарева. Ущеліе Адонимъ. Іерихонъ. Путешествіе къ Іордану, восторгъ Павлы. Горы Ефремовы, Силомъ. Кладезь самарянами. Спхемъ и гора Гаризинъ. Самарія; могила Іоанна Крестителя; зрѣлище бѣсноватыхъ. Назаретъ. Выходъ на Ѡаворъ. Море Тиверіадское. Возвращеніе къ Іерусалиму. Караванъ путниковъ отправляется къ Газѣ и приходитъ въ Египетъ. Александрія. Песторія Дидима. Описаніе пустынь нитрійскихъ и скинскихъ. Опасности пути. Прибытіе къ *городу египтянъ*. Видъ этого монашескаго города. Образъ жизни монаховъ. Посѣщеніе пустынныхъ отшельниковъ. Серапіонъ. Павла хотѣтъ остаться въ пустынѣ; противоудѣствіе Іеронима. Они возвращаются съ Палестиною чрезъ Маіумъ.

Съ Елеонской горы небольшая дружина паломниковъ направилась къ Іерихону; сначала они прибыли въ Виванію, родину Лазаря и его сестеръ Марѳы и Маріи. Павла пожелала посѣтить гробницу воскресннаго Лазаря, а также домъ кроткихъ, любящихъ сестеръ его, изъ которыхъ одна служила какъ бы олицетвореніемъ жизни духовной, а другая—жизни практической. Путники прошли мимо Витфагги и достигли не безъ тайнаго страха до опаснаго ущелья, посвяннаго имя Адонимъ или Кроваваго. Это мѣсто всегда было очень опасно

¹⁾ См. январь 1869.

и даже евангеліе избрало его мѣстомъ дѣйствія для притчи о *спадшемъ въ разбойники*, который былъ оставленъ безъ помощи священникомъ, и спасся только благодаря сострадательному самарянину. Не смотря на то, что это ущелье было охраняемо отрядомъ римскихъ войскъ, его не переставали считать притономъ разбойниковъ и воровъ. Наши путники миновали его безъ приключеній, и долго разсуждали о жестокости левита, рѣзкою противоположностію которой была святая любовь къ ближнему самарянина. Однимъ взглядомъ окинули они дилую смоковницу Захкея, и взошли въ Іерихонъ. Какой печальный видъ представился ихъ взорамъ! На этомъ самомъ мѣстѣ три города смѣнили другъ друга, и всѣ сложили здѣсь свои развалины: ханаанскій городъ, разрушенный Іисусомъ Навиномъ, іудейскій, выросшій на остаткахъ перваго и разрушенный римлянами, наконецъ римскій городъ, разрушенный междоусобною войною. О городѣ и помину не было; оставалась только маленькая деревенька съ домиками, кое-гдѣ разбросанными. Не было даже здѣсь и дерева, отъ котораго Іерихонъ получилъ свое прозваніе *города пальмъ*; точно сама природа, наряду съ людьми, испытывала надъ собою дѣйствіе разрушенія. Въ окрестностяхъ Іерихона путниковъ привлекали только три достопримѣчательности: домъ блудницы, принявшей соглядатаевъ Іисуса Навина, и за это не въ примѣръ прочимъ спасшейся во время избіенія хананеевъ; горькій источникъ, превращенный Елисеємъ, бросившимъ въ него горсть соли, въ изобильный и прѣсный (показывали даже глиняный горшокъ, будто-бы принадлежавшій пророку); наконецъ двѣнадцать камней, взятыхъ изъ русла Іордана и положенныхъ въ полѣ двѣнадцатью колѣнами израильскими въ память ихъ перехода чрезъ Іорданъ. Послѣ осмотра этихъ достопримѣчательностей оставалось пазомникамъ увидѣть Іорданъ, отдѣляемый отъ нивъ безплодную,

жгучею долиною, простиравшеюся на двѣ мили. Жара была ужасная; избѣгая ея, Павла пожелала ѣхать ночью. Солнце всходило, когда они подъѣхали къ берегамъ рѣки, гдѣ ожидало ихъ величественное зрѣлище. Великое свѣтило выкатывалось изъ-за горъ Аммонитскихъ, озаряя своими лучами древнѣй станъ Иисуса Навина, пустыню Іоанна Крестителя и самый Іорданъ, который, казалось, вливался широкою огненною полосою въ Мертвое море. Павла стояла на берегу; затаявъ отъ удивленія дыханіе, похожая на древнихъ пророчицъ, она стала припоминать рядъ чудесъ, совершившихся среди этой обстановки. Здѣсь кивотъ завѣта разсѣкалъ волны Іордана, и позади шли левиты по сухому дну; здѣсь же рѣка раздѣляла воды по-поламъ, на подобіе двухъ стѣнъ, чтобы открыть путь Ілїи и Елисею; сюда же пришелъ креститься самъ Спаситель, чтобы своимъ крещеніемъ освятить всѣ воды земныя, поглотившія въ волнахъ потопа грѣшный міръ. Павла представляла истинное Солнце правды, восходящее надъ міромъ и разгоняющее древнюю тьму лучами, тысячекратно свѣтлѣйшими лучей этого видимаго солнца, ослабляющаго взоры паломниковъ. Съ сожалѣніемъ покидая эти прекрасныя виды, чтобы избѣгнуть дневнаго жара, паломники прошли черезъ долину Ахорову, т. е. долину возмущеній, въ предѣлы Вепіяминовы и Ефремовы. Въ Веилѣ паломникамъ показали мѣсто, гдѣ бѣдный Іаковъ, положивъ подъ голову камень, почевалъ на голой землѣ, и во снѣ видѣлъ таинственную лѣстницу, на верху которой утверждался самъ Богъ, помогая восходить вверхъ ревностнымъ въ вѣрѣ и низвергая равнодушныхъ. Такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ Іеронимъ сонъ ветхозавѣтнаго патріарха. *Веилъ, домъ Божій*, оскверненный въ царствованіе Іеровоама поклоненіемъ золотому тельцу, *свѣтлѣйшій, чистѣйшій, говоримъ пророки, безавѣстный, т. е. свободный отъ преступленій*, въ IV вѣкѣ былъ не болѣе какъ не значи-

тельное мѣстечко, оставляемое безъ вниманія даже путешественниками. При переходѣ чрезъ Ефремову гору, путники издали поклонились могилѣ Иисуса Навина и Елеазара, сына Ааронава. Земли Ефрема, Веніамина, Веилъ, Рама, Гаваонъ въ которомъ они останавливались на пути изъ Юппіи, вообще всѣ эти мѣстности напоминали имъ ужасную, законченную кровавою развязкою, исторію левита и жены его. Каждый шагъ, казалось, возбуждалъ воспоминаніе о какомъ нибудь обстоятельстве изъ этой ужасной исторіи. Здѣсь жена левита, обезчещенная гаваонитянами, умерла отъ насилія; тамъ левитъ положилъ трупъ ся на осла, чтобы отвезти въ домъ свой далѣе, левитъ изрѣзавъ трупъ жены на двѣнадцать частей, послалъ двѣнадцати колѣнамъ Израилевымъ, призывая ихъ къ мщенію. Мщеніе не замедлило, и на землѣ, гдѣ проходили паломники, колѣно Веніамина подверглось истребленію въ справедливое возмездіе за свое преступленіе. «Нѣтъ» — говорилъ Іеронимъ — «колѣно Веніаминово не было совсѣмъ истреблено; Богъ не допустилъ этого, потому что изъ племени Веніамина, помиловавшаго и возрожденнаго, долженъ былъ произойти Павелъ — великій апостолъ языковъ». Затѣмъ Іеронимъ разсказалъ, какъ 600 веніамитянъ, избѣгнувшихъ рѣзни, скрылись въ Реммонской пустынѣ, а потомъ, возвратившись, должны были насильно похищать себѣ жепъ изъ другихъ племенъ, потому что ни одной веніамитянки не осталось въ живыхъ.

Дѣйствительно, паломникамъ показывали въ Силомѣ развалины алтаря, возлѣ котораго 200 веніамитянъ похитили во время ликованія 200 дѣвицъ, пришедшихъ на праздникъ. Сходство этой исторіи съ исторіею похищенія сабинынокъ было предметомъ научныхъ замѣчаній со стороны нѣкоторыхъ паломниковъ, а можетъ быть и заронило нѣкоторую искру мір-

свой гордости въ сердце нашихъ благочестивыхъ патриціановъ, родословная которыхъ термалась въ глубокой древности Рима. Они еще разсуждали объ этихъ исторіяхъ, когда уже подошли къ знаменитому колодцу Іакова, гдѣ Іисусъ, утомленный и жаждущій, въ возмездіе за воду, почерпнутую для Него самарянкою, открылъ ей источникъ жизни, навсегда утоляющій жажду. Надъ этимъ колодцемъ, вырытымъ довольно глубоко въ скалѣ, была построена церковь въ видѣ креста; сюда часто приходили паломники: отверзтіе колодца, хорошо охраняемаго, находилось возлѣ клироса, и приближались къ нему съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Снаружи храма находился водоемъ, снабжаемый водою изъ того же колодца, а въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе росли яворы, возводимые преданіемъ ко временамъ Іакова. Отъ колодца Іаковлева дорога скоро приводила въ древній городъ Сихемъ, названный во время владычества римлянъ *Флавіа-Неаполъ*, въ честь императора Веспасіана. Расположенный въ узкой долинѣ между горой Геваломъ и Гаризиномъ, Сихемъ со времени раздѣленія десяти коленъ сдѣлался Іерусалимомъ царства израильскаго, и храмъ, построенный царями израильскими на Гаризинѣ, для самарянъ, какіе оставались еще въ IV вѣкѣ, былъ также священъ въ воспоминаніяхъ, какъ нѣкогда для правовѣрныхъ іудеевъ храмъ Соломона. Одна и таже участь постигла эти два, соперничавшіе между собою, храма: храмъ на Гаризинѣ состоялъ теперь изъ однихъ развалинъ, къ которымъ вело триста ступеней, высѣченныхъ въ скалѣ. Іеронимъ и Павла не всходили на верхъ, а довольствовались тѣмъ, что посмотрѣли издали, можетъ быть по чувству религиозной нетерпимости, или изъ желанія поскорѣй добраться до Самаріи.

Любопытное и совершенно новое зрѣлище ожидало паломниковъ въ этой столицѣ царей Изравля, посвященной Ав-

густу подъ именемъ *Севастіанъ* и великолѣпно украшенной царями изъ фамиліи Ирода. Эта роскошь отчасти еще сохранялась; но не она привлекала христіанскихъ паломниковъ. Для нихъ Самарія была важна какъ городъ Іоанна Крестителя; здѣсь же находилась и гробница его. Святый мужъ, убитый Иродомъ-Антипою за безпкойное обличеніе его жестокостей и разврата, царствовалъ теперь, окруженный религіознымъ благоговѣніемъ, въ любимомъ городѣ Ирода, увѣковѣчивая память о его преступленіяхъ.

Могила Іоанна Крестителя, по всеобщему вѣрованію, обладала силою изгнать бѣсовъ и исцѣлять бѣсноватыхъ. Поэтому бѣсноватыхъ приводили въ Самарію для исцѣленія со всѣхъ частей Іудеи. Когда наши паломники пришли туда, огромное число этихъ несчастныхъ собралось вокругъ гробницы св. мужа, ожидая урочнаго часа, чтобы воззвать къ его цѣлебной силѣ. Тамъ происходили явленія, способныя поразить ужасомъ даже самыя сильныя души. Слышались только стоны и вздохи, невнятные и дикіе крики; видимы были судороги и скрежетъ зубовъ,—признаки, которыми бѣсъ обнаруживалъ въ тѣлѣ своихъ жертвъ свою мучительскую ярость. «Каково было удивленіе Павлы», говоритъ намъ Іеронимъ, «какъ великъ былъ ея ужасъ, когда раздался ревъ духа тьмы, и когда она услышала, что люди воютъ какъ волен, лаютъ какъ собаки, рычатъ подобно львамъ, свистятъ точно змѣи, мычатъ какъ быки! Одни повертывали головы свои со скоростью колеса; другіе закидывали ее назадъ, такъ что волосы касались земли. Женщины держались въ воздухѣ на одной ногѣ, съ опущенными на лице одеждами». Видъ этихъ ужасныхъ мученій разстроилъ Павлу до глубины души, и она залилась слезами; она плакала и молилась въ одно и тоже время. Посѣщеніе могилы Елисея нѣсколько изгладило эти печальныя

впечатлѣнія. Павла хотѣла также пѣшкомъ пройти на гору, гдѣ, въ двухъ большихъ пещерахъ, скрывались отъ преслѣдованій Іезавели сто пророковъ, питаемые Авдіемъ. Дружина паломниковъ спѣшила оставить эти мѣста и направить путь къ спокойной и цвѣтущей долинѣ Назарета, города, бывшаго, по выраженію Іеронима, *кормилицею Христовою*. Ученый далматинецъ во время дороги объяснялъ своимъ спутникамъ, что именемъ *Назоря* вслѣдъ за Спасителемъ назывались и Его послѣдователи, и вѣрующіе гордились этимъ именемъ, пока не приняли названія *христіанъ*. Тѣмъ не менѣе іудеи и язычники не переставали называть христіанъ въ насмѣшку назорезами.—Наши паломники не долго были въ Назаретѣ, и отправились въ Кану, городъ, ознаменованный первыми чудесами Спасителя; а потомъ къ горѣ *Θавору*. Два воспоминанія—одно изъ священной, другое изъ гражданской исторіи, соединяются съ этою горою, которая замѣчательна также въ топографическомъ отношеніи, и которая среди Галилейской долины поднимаетъ свою остроконечную и покрытую по бокамъ огромными лѣсами вершину. Іеронимъ утверждалъ, что здѣсь было преображеніе Господне, хотя—по другимъ преданіямъ—мѣсто этого великаго событія полагается вблизи Іерусалима, на горѣ Елеонской. Павла, вполне раздѣлявшая мнѣніе своего друга, хотѣла угадать на *Θаворѣ* мѣсто, гдѣ Петръ въ восхищеніи воскликнулъ: «Господи, какъ хорошо намъ быть здѣсь; поставимъ здѣсь три палатки!» Таково было священное воспоминаніе *Θавора*, достойное Бога мира; другое воспоминаніе было о враждѣ человѣческой. *Θаворъ*, благодаря своей неприступности и уединенности среди этихъ обширныхъ долинъ, имѣлъ несчастное назначеніе—быть въ военное время сторожевымъ пунктомъ и вмѣстѣ крѣпостью. Еще на каждомъ шагѣ встрѣчались свѣжіе слѣды войны. Историкъ Іосифъ, мужественный защитникъ Галилеи во время

борьбы съ Титомъ, самъ построилъ на Ѳадорѣ передовыя укрѣпленія, отъ которыхъ сохранилась еще часть ограды и стѣны замка, замыкавшія вершину горы. Вслѣдствіе неудобнаго перехода по извилистымъ и крутымъ дорожкамъ, наши паломники почувствовали сильную усталость, и должны были на довольно долгое время остановиться среди этихъ развалинъ. Сторожевая башня, чрезвычайно полезная во время войны, пригодилась и для путниковъ, желавшихъ однимъ взглядомъ окинуть всю страну Галилейскую и верхнее теченіе Іордана. Павлу, какъ и всѣхъ обладающихъ вѣжною душою, живо поражали красоты природы, и она просила объяснить величественную картину, представлявшуюся глазамъ ея. Вдали, на право, говорить Іеронимъ—виднѣлся Ермонъ, высшій пунктъ всего Ливана, гдѣ Іорданъ беретъ свое начало среди вѣчныхъ снѣговъ. Рѣка направляла теченіе отъ сѣвера къ югу, потомъ появлялась въ видѣ бѣловатой линіи на востокъ. На западъ можно было различить Средиземное море и слѣдить теченіе рѣки Кисона, излучисто прорѣзывающей средину долины Галилейской и наконецъ впадающей въ Средиземное море. Страна эта была усѣяна городами и селеніями, упомянутыми въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Здѣсь находилось мѣсто, гдѣ подъ пальмою пророчица Деввора судила народъ израильскій, также и то мѣсто, гдѣ по ея указаніямъ было уничтожено войско Сисары; тамъ мѣстечко Вегулія, родина Юдиои; далѣе Аендоръ съ волшебницей, вызывавшей духовъ; наконецъ къ югу, на самомъ берегу Кисона, Наинъ, памятный воскрешеніемъ сына вдовы и бывший въ IV вѣкѣ еще довольно значительнымъ городомъ. Паломники уже оканчивали свое путешествіе, и Іеронимъ ускорляетъ свой рассказъ. «Скорѣе кончился бы день, нежели мои слова», говоритъ онъ—«еслибы я захотѣлъ исчислять всѣ мѣста, которыя осматривала достопочтенная Павла». Іеронимъ упоминаетъ о Канер-

наумѣ, гдѣ путники на мѣстѣ прекраснаго и пещѣрующаго города увидѣли только слѣды постигшей его кары. Переплывъ Генисаретское озеро, освященное плаваніемъ Господа, паломники посѣтили пустыню, бывшую свидѣтельницею умноженія хлѣбовъ. Наконецъ Тиверіада приняла въ свои стѣны путниковъ и здѣсь окончилось ихъ путешествіе по Палестинѣ.

Пребываніе въ Тиверіадѣ по всей вѣроятности было для Іеронима и пріятно и полезно. Мы уже замѣтили прежде, съ какимъ стараніемъ этотъ удивительный путешественникъ, гдѣ ни проходилъ, отыскивалъ ученыхъ іудеевъ, чтобы разговаривать съ ними, требовать у нихъ различныхъ ученыхъ объясненій, заимствоваться ихъ познаніями. Знаніе библейской географіи и значенія собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Писаніи, казалось Іерониму необходимымъ для читателя, въ особенности для толкователя Библіи. По этому поводу Іеронимъ говоритъ, что гораздо лучше понимаетъ греческихъ историковъ тотъ, кто бывалъ въ Азияхъ; гораздо лучше понимаетъ третью книгу Энеиды, кто плылъ изъ Трои мимо Левкаты и Акрокеравнійскихъ горъ въ Сицилію, а оттуда къ устью Тибра; точно также, можно лучше понимать св. Писаніе, если осмотрѣть своими глазами Палестину и памятники ея древнихъ городовъ и начертить географію ея. «Этотъ трудъ»—прибавляетъ Іеронимъ—«я принялъ на себя при помощи ученѣйшихъ іудеевъ, во время своего путешествія по странѣ, имена которой звучатъ во всѣхъ христіанскихъ церквахъ». Но въ Тиверіадѣ Іеронимъ встрѣтилъ не одиночныхъ ученыхъ евреевъ; тамъ было цѣлое общество раввиновъ и еврейская академія. Послѣ разрушенія храма и разсѣянія іудеевъ Титомъ, всѣ находившіеся въ Іерусалимѣ законники и книжники іудейскіе, приверженные къ ветхозавѣтной религіи, удалились въ Тиверіаду и устроили знаменитую школу,

въ которой составлена *Мишна*. Эти раввины много занимались библейскими толкованіями. Іеронимъ долженъ былъ усердно заискивать ихъ, хотя вѣроятно и они относились къ нему со взаимною любезностію, не смотря на противоположность вѣрованій и различіе взглядовъ. Вѣроятно, тогда Іеронимъ сошелся съ раввиномъ Варрабаномъ, или иначе Варахиной, человѣкомъ замѣчательной учености, почтеннаго характера, принесшимъ замѣтную пользу для экзегетическихъ трудовъ Іеронима (Hieron. ep. 71, p. 385. Comm. in Isa. XXII. In Ruf. I. II). Великій христіанскій *ученый* возвратился въ Іерусалимъ съ сокровищницею свѣдѣній, которыя были захвачены у непріятеля подобно сосудамъ, нѣкогда унесеннымъ евреями изъ Египта. Но самымъ драгоценнымъ сокровищемъ была обширная память Іеронима, одна стоившая всѣхъ библіотекъ и ученыхъ пособій въ мірѣ.

Наши путники видѣли христіанство въ его прошедшемъ, въ его колыбели; имъ оставалось видѣть его въ живой дѣйствительности—въ одномъ изъ обширныхъ обществъ, гдѣ стремленіе къ высшимъ подвигамъ самоотверженія христіанскаго находило совершеннѣйшее проявленіе въ христіанской жизни. Павла, поощряемая примѣромъ Меланія, хотѣла посѣтить Нитрію, этотъ *градъ Господень*, или *градъ святыхъ*, какъ его называли, не имѣвший себѣ равнаго въ христіанскомъ мірѣ.

Желанія Павлы согласовались также съ желаніями ея спутниковъ. Іеронимъ объявилъ, что онъ будетъ сопровождать ихъ. Онъ видѣлъ въ этомъ путешествіи случай продолжать въ Египтѣ свои библейскія изслѣдованія, начатыя въ Іудеѣ. Всѣ приготовлялись съ радостію, и караванъ, устроенный для этого болѣе длиннаго и смѣлаго путешествія чѣмъ предыдущее, достигъ чрезвычайно скоро до филистимскаго города

Газы. Въ Сокогѣѣ Павла пожелала посѣтить Сампсоновъ источникъ, изведенный, по библейскому сказанію, изъ ослиной челясти, и утолить здѣсь жажду. Въ Марасоніѣ она тоже захотѣла помолиться надъ могилою пророка Михея, гдѣ теперь была церковь. Путники не останавливались въ Газѣ, и переходъ ихъ черезъ пустыню амалекитянь не былъ сопряженъ никакимъ неприятнымъ приключеніемъ, хотя они ѣхали по опасной границѣ идумеевъ и кареевъ, подверженной нападеніямъ арабовъ. Единственнымъ неприятнымъ чувствомъ этого путешествія была усталость, причиненная большими песками, въ которыхъ вязли лошади и стѣды человѣческіе изглаживались въ одно мгновеніе. Держась по возможности ближе къ морю, путники обогнули мысъ и озеро Касія, и вскорѣ очутились предъ рѣкою Сіоромъ близъ его пелузійскаго устья. Названіемъ *Сіоръ*, что значить — *туманный, мутный*, древніе евреи обозначали или этотъ рукавъ Нила, или даже весь Ниль. и *нади*, знаменитые съ древностями, путешественники останавливались *назидать* Ниль иначе, какъ Сіоромъ. Они не много продвинулись въ Пелузѣ, такъ какъ этотъ городъ былъ чуждъ библейскихъ воспоминаній. Путники поспѣшили въ Танисъ, гдѣ была нѣкогда въ тростникѣ колыбель Моисея, и въ землю Гессемскую, откуда бѣжали израильтяне. Во время пути Іеронимъ замѣтилъ, что въ пяти пройденныхъ ими городахъ говорили хананейскихъ языкомъ. Іеронимъ замѣтилъ также, что Ниль при семи своихъ устьяхъ былъ такъ мало-воденъ и мелокъ, что можно было перейти черезъ него въ бродѣ. Іеронимъ узналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣсколько вышше Ниль течетъ наравнѣ съ краями, между двумя плотинами, что эти плотины имѣютъ определенную высоту, такъ что, если чуждымъ водамъ въ время разлива Нила... наперекъ... шасть плотины, то годъ будетъ безплодный; если же, по небрежности сторожей или вслѣдствіе сильнаго напора воды,

плотина прорвется, то наводненіе опустошаетъ землю вмѣсто того, чтобы оплодотворять ее. Іеронимъ узналъ еще, что плаваніе совершалось при помощи бичевы и рабочихъ, которые смѣнялись на опредѣленныхъ станціяхъ: Іеронимъ получилъ свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ римской имперіи со стороны Египта, о существованіи сіонской башни и укрѣпленнаго лагеря Филь, о знаменитыхъ водопадахъ, однимъ словомъ обо всемъ, касающемся паружнаго вида страны, ея раздѣленія, ея жителей. Іеронимъ имѣлъ въ виду при случаѣ воспользоваться этими свѣдѣніями—и дѣйствительно воспользовался ими при истолкованіи ветхаго завѣта. Такимъ образомъ, пройдя поперекъ нижній Египетъ, отъ одного рукава Нила до другого, наши путешественники подошли наконецъ къ западному устью Нила и встрѣтили съ радостными восклицаніями городъ *Но*.

Городъ Но, впослѣдствіи обращенный въ Александрію, былъ нѣкогда резиденціею фараоновъ и столицею всего Египта, а потомъ однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ римскаго міра. Нашихъ путниковъ привлекала сюда не величественная красота александрійской гавани, не воспоминанія о македонскомъ завоевателѣ, о Помпее, Цезарѣ и Клеопатрѣ, имена и приключенія которыхъ читались на всѣхъ памятникахъ города. Іеронимъ имѣлъ болѣе опредѣленную цѣль. Въ стѣнахъ Александріи, въ то время, жилъ христіанскій богословъ, о которомъ Іеронимъ слыхалъ, какъ о человѣкѣ, достойномъ стать на ряду съ Оригеномъ. Этотъ великій ученый назывался Дидимомъ—имя мало извѣстное теперь: онъ былъ слѣпъ. Ничто не можетъ быть достойнѣе сочувствія историка, какъ эти мимолетныя знаменитости одного вѣка, неизвѣстныя другому, унесшія съ собою въ могилу впечатлѣніе, производимое ихъ личностію, но въ свое время прославившія свою страну и удивлявшія современниковъ. Поэтому Дидимъ заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему нѣсколько словъ въ ва-

шемъ разсказѣ. Дидимъ былъ родомъ египтянинъ; родители его были христіане и воспитывали его въ христіанскомъ духѣ. Ужасное несчастье постигло его въ дѣтствѣ: ему не было и пяти лѣтъ, какъ внезапная болѣзнь лишила его зрѣнія, когда онъ только начиналъ узнавать буквы. Великодушное дитя не пало духомъ: онъ выучился читать при посредствѣ подвижныхъ буквъ, служившихъ ему для составленія словъ и предложеній. Онъ скоро узналъ, то, что могли знать зрячіе, и даже гораздо болѣе; наука стала единственнымъ условіемъ его жизни. Прилежно слушая уроки знаменитѣйшихъ наставниковъ, Дидимъ изучалъ все—грамматику, риторику, поэзію, философію, математику и даже музыку, считавшуюся тогда частію математики. Никто лучше Дидима не могъ объяснить Платона и разсуждать объ Аристотелѣ. Особенно удивительно было то, что, будучи слѣпымъ, онъ рѣшалъ самыя сложныя геометрическія задачи относительно фигуръ, которыхъ никогда не видалъ. Въ богословскихъ наукахъ познанія его были еще удивительнѣе. Дидимъ зналъ на память оба завѣта такъ, что могъ разсказывать наизусть, сближать, объяснять тексты съ твердостію памяти, необходимой для толкованія. Онъ также основательно былъ знакомъ и со всею остальною христіанскою письменностію. Въ Александріи находилась высшая школа библейской экзегетики, гдѣ философія считалась вступленіемъ въ богословіе, а Платонъ—предвѣстникомъ евангелія. Основанная въ I вѣкѣ Пантеномъ, катедра была передана имъ Клименту, отъ Климента перешла къ его ученику Оригену, затмившему своихъ предшественниковъ; а въ настоящее время (т. е. въ 388 г.) была занята Дидимомъ. Оригенъ имѣлъ воспитательное значеніе для своихъ преемниковъ: по глубинѣ своего знанія и смѣлости мысли, онъ сдѣлался душою александрійской школы. Не слѣдуя смѣлымъ гипотезамъ, гдѣ заблуждался геній Оригена, отвергая

*

нѣкоторыя заблужденія Оригена, осужденныя церковію и остерегаясь другихъ, Дидимъ тѣмъ не менѣе уважалъ Оригена, любилъ, провозглашалъ его своимъ учителемъ и руководителемъ. Таковъ былъ Дидимъ; преданія александрійской школы не заставили его уклониться отъ истинной вѣры; смѣлость, съ какою онъ защищалъ православіе противъ аріанъ, доставила ему любовь св. Аѳанасія. Знаменитѣйшіе епископы Сиріи и Малой Азіи пріѣзжали въ качествѣ учениковъ слушать возвышенное и изящное преподаваніе Дидима; даже египетскіе монахи оставляли свое уединеніе, чтобы взглянуть на него хоть разъ. Рассказываютъ, что великій Антоній нѣкогда пришелъ къ Дидиму изъ глубины своей пустыни, лежавшей близъ Чермнаго моря; Дидимъ любезно бесѣдовалъ съ святымъ мужемъ, который соединялъ въ себѣ свѣтлый умъ и доброе сердце съ непоколебимою вѣрою. Когда Дидиму случилось во время бесѣды выразить сожалѣніе о своей слѣпотѣ, пустынникъ прервалъ его: «о Дидимъ»—воскликнулъ св. Антоній въ порывѣ восхищенія—«не говори такъ! Не жалуйся на жребій, посланный тебѣ небоухъ. Если Богъ отказалъ тебѣ въ тѣлесныхъ очахъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ и даже самымъ нечистымъ животнымъ—змѣямъ, ящерицамъ, мухамъ, за то Онъ далъ тебѣ очи ангельскія, чтобы ты могъ созерцать Его лицомъ къ лицу».

Послѣ этого понятно желаніе Іеронима бесѣдовать съ ученымъ слѣпцомъ. Прибывъ въ Александрію, Іеронимъ сей-часъ же отправился къ Дидиму, и потомъ видѣлся съ нимъ почти каждый день, потому что египтянинъ и далматинецъ почувствовали другъ къ другу большую дружбу. Павла сопровождала Іеронима на эти духовныя бесѣды, въ которыхъ пересматривались всѣ науки того времени, для подтвержденія евангельской истины, и постоянно слѣдила за этими бесѣдами съ участіемъ и удивленіемъ. Іеронимъ говорить, что если

Спускаясь по теченію Нила изъ верхняго въ средній Египеть, путешественникъ видитъ справа и слѣва двѣ параллельныя горныя цѣпи, образующія русло Нила; онѣ расходятся врозь уже близки древняго Мемфиса. Первая, такъ называемая, арабійская горная цѣпь направлялась къ Черному морю и Суэзскому перешейку; лѣвая же горная цѣпь раздѣ-

ляется на двѣ большія вѣтви, изъ которыхъ первая идетъ къ Мареотидскому озеру, на югъ отъ Александріи, а другая (собственно такъ называемая *ливійская* горная вѣтвь) направляется далѣе на западъ къ Средиземному морю черезъ ливійскіе пески. Между этими двумя горными вѣтвями и береговыми холмами Нила, съ одной стороны, и ливійскими песками, съ другой, открываются двѣ широкія долины; изъ нихъ восточная состоитъ изъ селитряной почвы и нѣсколькихъ соляныхъ озеръ, а западная, покрытая песками и не имѣющая никакой растительности, вѣроятно была когда-то рукавомъ Нила, и еще донынѣ у арабовъ называется *Сухой рѣкой*. Эти двѣ долины, отдѣленные одна отъ другой горною равниной въ 165 верстъ наибольшей ширины, и были жилищемъ монаховъ нитрійскихъ и скитскихъ. Ничто не могло быть бесплоднѣе и печальнѣе этого пустыннаго царства съ его мрачными видами и лишеніями для любопытныхъ и набожныхъ посѣтителей.

Изъ Александріи ведутъ туда три пути, неравномѣрно длинныя, но всѣ въ своемъ родѣ неудобныя и опасныя. Первый—черезъ озеро Мареотидское и долину, пропитанную селитрою и солончаками, ведетъ прямо къ горѣ, образующей средоточіе монашескаго общежитія; но озеро, волнуемое частыми вѣтрами и иногда бурное какъ море, было памятно не однимъ кораблекрушеніемъ; часто и овраги въ долинѣ бывали непроходимы. Второй путь велъ къ западу, между моремъ и Мареотидскимъ озеромъ, потомъ, поворачивъ къ югу, проходилъ черезъ пески и горную равнину, раздѣляющую нитрійскую долину отъ Безводной. Этотъ путь пролеталъ по пустынѣ, гдѣ не было ни капли воды и никакой зелени. Наконецъ третій путь по теченію Нила достигалъ до Мемфиса или Арсинои, а отсюда непосредственно велъ въ Нитрійскую долину или *Сухую рѣку*; но на этой дорогѣ попадались глу-

божія люди, образованныя наводненіемъ Нила и наполненыя вредными земноводными. Іеронимъ избралъ первый путь, какъ надболѣе прямой и безопасный. Путники переправились счастливо черезъ Марейтисское озеро, но съ первыми шагами по твердой землѣ начались несчастія. Густой и соленый туманъ, наполнявшій долину ночью, казалось, отвердѣлъ съ восходомъ солнца, и осѣдалъ въ видѣ маленькихъ кристалловъ, похожихъ на изморозь. Приходилось идти по солигнянымъ игламъ и остроконечнымъ кристалламъ, проникавшимъ въ копыта лошадей и прошивавшимъ обувь вожатыхъ. Наши путники подошли наконецъ къ солончакамъ, глубокимъ въ ростъ человѣка или лошади, и распростиравшимъ вредныя испаренія, такъ что путникамъ была двойная опасность утонуть или задохнуться. Путникамъ надо было имѣть много мужества, но видъ Нитрійской горы поддерживалъ ихъ силы. Еще издали можно было разсмотрѣть церкви, стоявшую на вершинѣ горы, пятьдесятъ монастырей, расположенныхъ по бокамъ и у подошвы горы. Ближе мѣстечко Нитрія, населенное туземцами. Все это составляло *городъ Господень* или *городъ святыхъ*. Пятьдесятъ монастырей подчинялись одинаковымъ монастырскимъ правиламъ и управлялъ ими одинъ игуменъ. Кромѣ того монахи были въ зависимости отъ епископа малаго Гермополя, города на берегу Нила, къ востоку отъ Ливійскихъ холмовъ. Въ мѣстечкѣ Нитріи, или въ другихъ монастырскихъ селеніяхъ, можно было найти булочниковъ, мясниковъ, пирожниковъ, виноторговцевъ, врачей, однимъ словомъ—все необходимое для путешественниковъ, или туземцевъ и больныхъ монаховъ.

Въ двѣнадцать миляхъ отъ града *Господня* къ югу, въ многочисленныхъ ущельяхъ ливійской горной цѣли, а также въ долинахъ находились *кельи* отшельниковъ. Тамъ царствовала подвижническая жизнь, среди величайшаго уединенія. Пещеры, образованныя самою природою, шалаши изъ листьевъ, подзем-

ныя хижины, населенныя отшельниками, были такъ устроены, что они не могли ни слышать, ни видѣть другъ друга и встрѣчались только по особымъ обстоятельствамъ или же для ухода за больными. Кельи принадлежали къ городу святыхъ и не имѣли особой церкви. Въ сутки можно было пройти къ другому монастырю, называвшемуся *Скитомъ* и расположенному на бесплодной равнинѣ, отдѣлявшей нитрійскую долину отъ *Сухой рѣки*. Нитрійскій монастырь въ сравненіи съ скитомъ былъ почти рай земной; одинъ видъ скита наводилъ на душу глубокую тоску. Приѣмъ, оказываемый постытителямъ въ *городѣ святыхъ*, не лишенъ былъ нѣкоторой предупредительности, особенно если пріѣзжіе были люди знатные. По прибытіи Геронима и Павла епископъ Гермономъ Исидоръ, предупрежденный о нашихъ путникахъ правителемъ Александріи или самимъ Дидимомъ, пожелалъ лично встрѣтить ихъ. Кларъ, окружавшій епископа, былъ весьма многочисленъ; онъ даже созвалъ часть отшельниковъ изъ келій и монаховъ изъ общежитій. Едва Геронимъ, Павла и ихъ спутники начали взбираться на гору, какъ двинулось къ нимъ на встрѣчу торжественное шествіе съ пѣніемъ псалмовъ и пѣсней духовныхъ. Это неожданное и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище поразило и взволновало всѣхъ, а Павла даже не могла скрыть слезъ своихъ. На привѣтствіе Исидора она скромно отвѣчала, что «радуется этой встрѣчѣ во славу Божию, но считаетъ себя недостойною такой чести». Вмѣстѣ съ епископомъ наши путешественники направились къ церкви, между тѣмъ гора и окрестныя долины оглашались звуками колоколовъ. Очень простой архитектуры церковь была довольно обширна, чтобы вмѣщать по воскресеньямъ множество молящихся. Тогда считалось въ общежительныхъ монастыряхъ около пяти тысячъ монаховъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ императоръ Валентъ такое же число насильно отдалъ въ военную службу и раз-

мѣстѣ по своимъ легионамъ. Кромѣ того шестьсотъ отшельниковъ, жившихъ по кельямъ, также не имѣли другаго храма. Они собирались сюда только по субботамъ и воскресеньямъ, и отсутствіе каковаго нибудь отшельника на обѣднѣ служило доказательствомъ его болѣзни или смерти: въ такихъ случаяхъ послѣ обѣдни отправлялись въ келью отсутствующаго, чтобы узнать, что Господь судилъ о немъ. Примѣтивъ возлѣ церкви три пальмы, на вѣтвяхъ которыхъ висѣли три бича, посѣтителѣ спрашивали, зачѣмъ это, и имъ отвѣтили, что каждая изъ этихъ пальмъ, по уставамъ св. Макарія, служила позорнымъ столбомъ для бичеванья виноватыхъ. Первая была предназначена для монаховъ, не послушныхъ общимъ уставамъ, вторая—для воровъ, если такіе бывали, третья—для бѣглыхъ преступниковъ, пытавшихся избѣгнуть гражданского суда, скрываясь въ св. мѣстѣ. Виноватыхъ заставляли охватывать руками пальму и бичевали соразмѣрно ихъ проступкамъ. Обозрѣвая площадку горы, наши путешественники примѣтили семь жельницъ для перемолки монастырскаго хлѣба и домикъ, гдѣ, казалось, было большое движеніе. Имъ объявили, что это больница или гостипница для пришельцевъ, принимаемыхъ клявсіею. Они могли жить здѣсь сколько угодно, нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ, и даже два и три года; но въ концѣ первой недѣли имъ назначали работы для монастыря. Одного отсылали въ хлѣбню, другаго въ садъ, нѣкоторыхъ въ кухню. Ученымъ пришельцамъ давалась книга, съ просьбой—не разговаривать ни съ кѣмъ прежде полудня. Внутреннее монастырское устройство, недоступное непосредственному наблюденію путниковъ, также было имъ объяснено. Эти люди (говорено было путникамъ), провождающіе столь суровое и пустынное житіе, находятъ здѣсь свое счастье. Если по дѣламъ общежитія нужно послать кого-нибудь за припасами или съ другимъ порученіемъ, то посылаютъ обыкновенно

провинившагося брата, да и тотъ отлучается изъ монастыря только изъ послушанія».

Получивъ свѣдѣнія о *св. градѣ*, путники простились съ епископомъ и отправились въ кельямъ, гдѣ жили отшельники. Каждая келья имѣла свой особенный видъ, каждый отшельникъ проходилъ свой особый подвигъ. Одинъ жилъ на вершинѣ скалы, другой въ пропастяхъ земныхъ; иной, почти не имѣя жилья, подвергался палящему солнцу Египта; иной никогда не видѣлъ дня. Ихъ одежда и образъ жизни представляли такое же разнообразіе; по подъ грубую, часто звѣроподобною внѣшностію, скрывались простыя и добрыя души, благородныя сердца, иногда даже великіе умы. Иеронимъ и Павла пошли въ кельямъ самыхъ извѣстныхъ отшельниковъ: Серапіона, Арсенія, Макарія и другихъ подвижниковъ пустыни, добровольно оставившихъ міръ, который слѣдовалъ за ними. Серапіонъ жилъ въ пещерѣ, находившейся на днѣ пропасти, куда сходили по крутымъ уступамъ черезъ густые кустарники. Въ пещерѣ едва можно было помѣстить постель изъ сухихъ листьевъ и доску вмѣсто стола, вставленную въ углубленіе скалы. Все убранство жилища состояло изъ старой библіи и креста очень грубой работы, привѣшеннаго къ скалѣ. Хозяинъ этого жилища представился глазамъ посѣтителей скорѣе похожимъ на скелетъ, чѣмъ на живое существо. Волосы его закрывали лицо и отчасти ноги, а тѣло его, покрытое волосами, казалось, принадлежало дикому звѣрю. Тѣмъ не менѣе Серапіонъ хорошо зналъ Римъ, говорилъ по-латыни и любилъ вспоминать о благородныхъ семействахъ, принимавшихъ его за моремъ. Въ молодости, проживая въ вѣчномъ городѣ, Серапіонъ почувствовалъ сильное состраданіе къ актеру и актрисѣ, жившимъ чрезвычайно распутно. какъ это часто случается при этомъ родѣ жизни. Серапіону пришла мысль навести ихъ на путь истины. Для этого онъ продалъ имъ

себя въ рабство и бросился вслѣдъ за ними въ омутъ этой безпорядочной жизни, отъ которой хотѣлъ ихъ спасти, какъ бросаются въ море спасать погибающихъ. Святое предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: благодаря увѣщаніямъ, совѣтамъ, молитвамъ Серапіона, его господа исправили свою жизнь, приняли св. крещеніе и освободили раба, обратившаго ихъ ко Христу. Но Серапіонъ не принялъ этой милости. Явившись къ нимъ съ деньгами въ рукахъ, онъ сказалъ: «братья мои, уходя на другое поприще, куда меня призываетъ Богъ, я вамъ возвращаю эти деньги; эта сумма, за которую вы купили меня, ваша; я же уношу съ собою приобрѣтеніе вашихъ душъ». Заботясь долго о другихъ, святой Серапіонъ подумалъ и о себѣ, и ушелъ спасаться въ эту мрачную пустыню, не надѣясь, что прежнихъ добрыхъ дѣлъ достаточно для его спасенія.—Вся пустыня жила еще памятью недавнихъ великихъ святыхъ, простаго и безкорыстнаго Памвы, умершаго за три года предъ тѣмъ, Макарія александрійскаго, жившаго надъ озеромъ ~~и предводившаго~~ и умѣвшаго укрощать этихъ ужасныхъ животныхъ, Макарія стараго или египетскаго, закрывшаго глаза св. Антонія и наслѣдовавшаго жезлъ его, и св. Арсенія, за строгость жизни и обширный умъ прозваннаго великимъ. Все въ этой странѣ аскетизма было памятникомъ котораго нибудь изъ почившихъ святыхъ и къ каждой мѣстности приурочивалось особенное сказаніе. То показывали дерево, посаженное однимъ святымъ, то пещеру, выкопанную другимъ, или лѣстницу, устроенную въ скалѣ третьимъ. Лопаты, заступы и прочія рабочія орудія, принадлежавшія замѣчательнѣйшимъ подвижникамъ, сохранялись какъ святыня ихъ учениками. Видѣнія и чудеса имѣли мѣсто въ каждомъ разсказѣ и были передаваемы и выслушиваемы съ одинаковою вѣрою.

Пораженная этими чудесами, Павла хотѣла остаться въ Нитріи; она высказывала желаніе основать здѣсь монастырь, и

всѣ ея молодыя подружки въ порывѣ восторга изъявляли вмѣстѣ съ нею готовность жить и умереть въ этомъ святомъ городѣ. Но влеченіе къ Виллсему, а можетъ быть и умные совѣты Іеронима помѣшали осуществленію этой мысли, которой впрочемъ Іеронимъ не могъ не удивляться, не смотря на то, что порицалъ ее. «Несравненное усердіе (писалъ онъ впоследствии) и мужество, почти невѣроятное въ женщинѣ! Она забывала свой полъ, она забывала нѣжность своего тѣла и желала поселиться съ своими подругами посреди столькихъ тысячъ отшельниковъ. Можетъ быть она и получила бы позволеніе на это—такъ возвышенно было ея намѣреніе,—если бы въ ея сердцѣ не звучало громче желаніе водвориться въ святыхъ мѣстахъ Палестины!» Надобно замѣтить при томъ, что Павлѣ не легко было бы получить и позволеніе поселиться съ своими подругами въ пустынь Нитрійской. Умные и опытные епископы смотрѣли не безъ опасенія на устройство женскихъ монастырей въблизи мужескихъ. Нѣкоторые даже порицали посѣщенія отшельниковъ свѣтскими женщинами, которыя при всѣхъ своихъ достоинствахъ могли заронить въ душу пустытника воспоминанія о прошедшемъ.

Между тѣмъ египетскіе жары стали не выносимы: возвратъ солнца приближался и вмѣстѣ съ нимъ разлитіе Нила, превращавшее всю дельту въ громадное озеро и заливавшее дороги и долины. Дружина путниковъ спѣшила возвратиться въ Пелузу, пока еще путь былъ свободенъ. Павла до того была измучена дорогой, что не могла уже возвращаться въ Палестину черезъ пустыни; она наняла въ Пелузѣ корабль, отбѣзжавшій въ Маіумъ. Переѣздъ совершился быстро и счастливо: корабль привезъ путниковъ, по выраженію Іеронима, съ *быстротою птицы*. Изъ Маіума блаженные Іеронимъ и Павла со спутниками отправились къ Виллсему, гдѣ и водворились на постоянное жительство.

Т.